

О первом преслушанье, о плоде
Запретном, пагубном, что смерть принес
И все невзгоды наши в этот мир,
Людей лишил Эдема, до поры,
Когда нас Величайший Человек
Восставил, Рай блаженный нам вернул,
Пой, Муза горняя! Сойди с вершин
Таинственных Синая иль Хорива,
Где был тобою пастырь вдохновен,
Начально поучавший свой народ
Возникновенью Неба и Земли
Из Хаоса, когда тебе милей
Сионский холм и Силоамский Ключ,
Глаголов Божьих область, я зову
Тебя от туда в помощь песнь моя
Отважилась взлететь над Геликоном,
К возвышенным предметам устремясь,
Нетронутым ни в прозе, ни в стихах.

Но прежде ты, о Дух Святой! Ты храмам
Предпочитаешь чистые сердца,
Наставь меня всеведеньем твоим!
Ты, словно голубь, искони парил
Над бездною, плодотворяя ее
Исполни светом тьму мою, возвысь
Все брренное во мне, дабы я смог
Решающие доводы найти
И благость Провиденья доказать,
Пути Творца пред тварью оправдав.
Открой сначала, ибо Ад и Рай
Равно доступны взору Твоему,
Что побудило первую чету,
В счастливой сени, средь блаженных кущ,
Столь взысканную милостью Небес,
Предавших Мирозданье ей во власть,
Отречься от Творца, Его запрет
Единственный нарушить? Адский Змий!
Да, это он, завидуя и мстя,
Праматерь нашу лестью соблазнил
Коварный Враг, низринутый с высот
Гордыней собственною, вместе с войском
Восставших Ангелов, которых он
Возглавил, с чьєю помощью Престол
Всевышнего хотел поколебать
И с Господом сравняться, возмудив
Небесные дружины, но борьба
Была напрасной. Всемогущий Бог
Разгневанный стремглав низверг строптивцев,
Объятых пламенем, в бездонный мрак,
На муки в алмазновых цепях
И вечном, наказующем огне,
За их вооруженный, дерзкий бунт.
Девятикратно время истекло,
Что мерой дня и ночи служит смертным,
Покуда в корчах, со своей ордой,
Метался Враг на огненных волнах,
Разбитый, хоть бессмертный. Рок обрек
Его на казнь горчайшую: на скорбь
О невозвратном счастье и на мысль
О вечных муках. Он теперь обвел
Угрюмыми зеницами вокруг
Таились в них и ненависть, и страх,
И гордость, и безмерная тоска...
Мгновенно, что лишь Ангелам дано,

Он оглядел пустынную страну,
Тюрьму, где, как в печи, пылал огонь,
Но не светил и видимою тьмой
Вернее был, мерцавший лишь затем,
Дабы явить глазам крошечный мрак,
Юдоль печали, царство горя, край,
Где мира и покоя нет, куда
Надежде, близкой всем, заказан путь,
Где муки без конца и лютый жар
Клокочущих, неистощимых струй
Текучей серы. Вот какой затвор
Здесь уготовал Вечный Судия
Мятежникам, средь совершенной тьмы
И втрое дальше от лучей Небес
И Господа, чем самый дальний полюс
От центра Мироздания отстоит.
Как несравнимо с прежней высотой,
От куда их паденье увлекло!
Он видит соучастников своих
В прибое знойном, в жгучем вихре искр,
А рядом сверстника, что был вторым
По рангу и злодейству, а позднее
Был в Палестине чтим как Вельзевул.
К нему воззвал надменный Архивраг,
Отныне нареченный Сатаной,
И страшное беззвучие расторг
Таковыми дерзновенными словами:

"Ты ль предо мною? О, как низко пал
Тот, кто сияньем затмевал своим
Сиянье лучезарных мириад
В небесных сферах! Если это ты,
Союзом общим, замыслом одним,
Надеждой, испытаньями в боях
И пораженьем связанный со мной, -
Взгляни, в какую бездну с вышины
Мы рухнули! Его могучий гром
Доселе был неведом никому.
Жестокое оружие! Но пусть
Всесильный Победитель на меня
Любое подымает! Не согнусь
И не раскаюсь, пусть мой блеск померк.
Еще во мне решимость не иссякла
В сознание поправанного моего
Достоинства, и гордый гнев кипит,
Велевший мне поднять на битву с Ним
Мятежных Духов буйные полки,
Тех, что Его презрели произвол,
Вождем избрав меня. Мы безуспешно
Его Престол пытались пошатнуть
И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством не уступать вовек.
А это ль не победа? Ведь у нас
Осталось то, чего не может Он
Ни яростью, ни силой отобрать
Немеркнущая слава! Если б я
Противника, чье царство сотряслось
От страха перед этою рукой,
Молил бы на коленах о пощаде,
Я опозорился бы, я стыдом"

"Покрылся бы и горше был бы срам,
Чем низвержение. Волею судеб
Нетленны эмпирейский наш состав
И сила богоравная пройдя
Горнило битв не ослабели мы,
Но закалились и теперь верней
Мы вправе на победу уповать:
В грядущей схватке, хитрость применив,
Напружив силы, низложить Тирана,
Который нынче, празднуя триумф,
Ликует в Небесах самодержавно!"

Так падший Ангел, поборая скорбь,
Кичился вслух, отчаянье тая.
Собрат ему отважно отвечал:

"О Князь! Глава порфиноносных сил,
Вождь Серафимских ратей боевых,
Грозивших трону Вечного Царя
Деяньями, внушающими страх,
Дабы Его величье испытать
Верховное: хранимо ли оно
Случайностью ли, силой или Роком.
Я вижу все и горько сокрушен
Ужасным пораженьем наших войск.
Мы изгнаны с высот, побеждены,
Низвергнуты, насколько вообще
Возможно разгромить богоподобных
Сынов Небес; но дух, но разум наш
Не сломлены, а мощь вернется вновь,
Хоть славу нашу и былой восторг
Страданья поглотили навсегда.
Зачем же Победитель (признаю
Его всеильным, ведь не мог бы Он
Слабейшей силой нашу превозмочь!)
Нам дух и мощь оставил? Чтоб сильней
Мы истязались, утоляя месть
Его свирепую? Иль как рабы
Трудились тяжко, по законам войн,
Подручными в Аду, в огне палящем,
Посыльными в бездонной, мрачной мгле?
Что толку в нашем вечном бытии
И силе нашей, вечно-неизменной,
Коль нам терзаться вечно суждено?"

Ему Отступник тотчас возразил:
"В страданьях ли, в борьбе ли, горе
слабым,

О падший Херувим! Но знай, к Добру
Стремиться мы не станем с этих пор.
Мы будем счастливы, творя лишь Зло,
Его державной воле вопреки.
И если Провидением своим
Он в нашем Зле зерно Добра взрастит,
Мы извратить должны благой исход,
В Его Добре источник Зла сыскав.
Успехом нашим будет не однажды
Он опечален, верю, что не раз
Мы волю сокровенную Его
Собьем с пути, от цели отведя.
Но глянь! Свирепый Мститель отозвал
К вратам Небес карателей своих.
Палящий ураган и серный град,
Нас бичевавшие, когда с вершин

Мы падали в клокочущий огонь,
Иссякли. Молниями окрыленный
И гневом яростным, разящий гром
Опустошил, как видно, свой колчан,
Стихая постепенно, и уже
Не так бушует. Упустить нельзя
Счастливую возможность, что оставил
В насмешку или злобу утолив,
Противник нам. Вот голый, гиблый край,
Обитель скорби, где чуть-чуть сквозит,
Мигая мертвым светом в темноте,
Трепещущее пламя. Тут найдем
Убежище от вздыбленных валов
И отдых, если здесь он существует,
Вновь соберем разбитые войска,
Обсудим, как нам больше досадить
Противнику и справиться с бедой,
В надежде силу или, наконец,
В отчаянье решимость почерпнуть!"
Так молвил Сатана. Приподнял он
Над бездной голову; его глаза
Метали искры; плыло позади
Чудовищное тело, по длине
Титанам равное иль Земнородным -
Врагам Юпитера! Как Бриарей,
Сын Посейдона, или как Тифон,
В пещере обитавший, возле Тарса,
Как великан морей - Левиафан,
Когда вблизи Норвежских берегов
Он спит, а запоздавший рулевой,
Приняв его за остров, меж чешуй
Кидает якорь, защитив ладью
От ветра, и стоит, пока заря
Не усмехнется морю поутру,
Так Архивраг разлегся на волнах,
Прикованный к пучине. Никогда
Он головой не мог бы шевельнуть
Без поущенья свыше. Провиденье
Дало ему простор для темных дел
И новых преступлений, дабы сам
Проклятье на себя он вновь навлек,
Терзался, видя, что любое Зло
Во благо бесконечное, в Добро
Преображается, что род людской,
Им соблазненный, будет пощажен
По милости великой, но втройне
Обрушится возмездье на Врага.
Огромный, он воспрянул из огня,
Два серных вала отогнав назад;
Их взвихренные гребни, раскатись,
Образовали пропасть, но пловец
На крыльях в сумеречный воздух взмыл,
Принявший непривычно тяжкий груз,
И к суше долетел, когда назвать
Возможно сушей - отверделый жар,
Тогда как жидкий жар в пучине тлел.
Такой же почва принимает цвет,
Когда подземный шторм срывает холм
С вершин Пелора, или ребра скал
Гремящей Этны, чье полно нутро
Огнеопасных, взрывчатых веществ,
И при посредстве минеральных сил,
Наружу извергаемых из недр
Воспламененными, а позади,

Дымясь и тлея, остается дно
Смердящее. Вот что пятой проклятой
Нащупал Враг! Соратник вслед за ним.
Тщеславно ликовали гордецы.
Сочтя, что от Стигийских вод спаслись
Они, как боги, собственной своей
Вновь обретенной силой, наотрез
Произволенье Неба отрицая.

"На эту ли юдоль сменили мы,
Архангел падший молвил, Небеса
И свет Небес на тьму? Да будет так!
Он всемогущ, а мощь всегда права.
Подальше от Него! Он выше нас
Не разумом, но силой, в остальном
Мы равные. Прощай, блаженный край!
Привет тебе, зловещий мир! Привет,
Геенна запредельная! Прими
Хозяина, чей дух не устрашат
Ни время, ни пространство. Он в себе
Обрел свое пространство и создать
В себе из Рая Ад и Рай из Ада
Он может. Где б я ни был, все равно
Собой останусь, в этом не слабей
Того, кто громом первенство снискал.
Здесь мы свободны. Здесь не создал Он
Завидный край; Он не изгонит нас
Из этих мест. Здесь наша власть прочна,
И мне сдается, даже в бездне власть -
Достойная награда. Лучше быть
Владыкой Ада, чем слугою Неба!
Но почему же преданных друзей,
Собратьев по беде, простертых здесь,
В забвенном озере, мы не зовем
Приют наш скорбный разделить и, вновь
Объединясь, разведать: что еще
Мы в силах у Небес отвоевать
И что осталось нам в Аду утратить?"

Так молвил Сатана, и Вельзевул
Ответствовал: "О Вождь отважных войск,
Воистину, лишь Всемогущий мог
Их разгромить! Пусть голос твой опять
Раздастся, как незаблемый залог
Надежды, ободрявшей часто нас
Среди опасностей и страха! Пусть
Он прозвучит как боевой сигнал
И мужество соратникам вернет,
Низринутым в пылающую топь,
Беспамятно недвижимым, оглушенным
Паденьем с непомерной вышины!"

Он смолк, и тотчас Архивраг побрел
К обрыву, за спину закинув щит,
В эфире закаленный круглый диск,
Огромный и похожий на луну,
Когда ее в оптическом стекле,
С Вальдарно или Фьезольских высот,
Мудрец Тосканский ночью созерцал,
Стремясь на шаре пестром различить
Материки, потоки и хребты.
Отступник, опираясь на копье,
Перед которым высочайший ствол
Сосны Норвежской, срубленной на мачту,

Для величайшего из кораблей,
Казался бы тростинкой, брел вперед
По раскаленным глыбам, а давно ль
Скользил в лазури легкою стопой?
Его терзали духота и смрад,
Но, боль преодолевая, он достиг
Пучины серной, с края возопив
К бойцам, валяющимся, как листва
Осенняя, устлавшая пластами
Лесные Валамбросские ручьи,
Текущие под сенью темных крон
Дубравы Этрурийской; так полег
Тростник близ Моря Чермного, когда
Ветрами Орион расколыхал
Глубины вод и потопил в волнах
Бузириса и конников его
Мемфисских, что преследовали вскачь
Сынов Земли Гесем, а беглецы
Взирали с берега на мертвецов,
Плывущих среди обломков колесниц;
Так, потрясенные, бунтовщики
Лежали грудями, но Вождь вскричал,
И гулким громом отозвался Ад:

"Князья! Воители! Недавний цвет
Небес, теперь утраченных навек!
Возможно ли эфирным существам
Столь унывать? Ужели, утомясь
Трудами ратными, решили вы
В пылающей пучине опочить?
Вы в райских долах, что ли, сладкий сон
Вкушаете? Никак, вы поклялись
Хваленье Победителю воздать
Униженно? Взирает Он меж тем
На Херувимов и на Серафимов,
Низверженных с оружием заодно
Изломанным, с обрывками знамен!
Иль ждете вы, чтобы Его гонцы,
Бессилье наше с Неба углядев,
Накинулись и дротиками молний
Ко дну Геенны пригвоздили нас?
Восстаньте же, не то конец всему!"
Сгорая от стыда, взлетели вмиг
Бойцы. Так задремавший часовой
Спросонья вздрагивает, услышав
Начальства строгий окрик. Сознавая
Свои мученья и беду свою,
Стряхнув оцепененье, Сатане
Покорствуют несметные войска.
Так, в черный день Египта, мощный жезл
Вознес Амрамов сын, и саранча,
Которую пригнал восточный ветер,
Нависла тучей, мрачною, как ночь,
Над грешной Фараоновой землей
И затемнила Нильскую страну;
Не меньшей тучей воспарила рать
Под своды адские, сквозь пламена,
Ее лизавшие со всех сторон.
Но вот копьем Владыка подал знак,
И плавно опускаются полки
На серу отверделую, покрыв
Равнину сплошь. Из чресел ледяных
Не извергал тысячелюдный Север
Подобных толп, когда его сыны,

Дунай и Рейн минуя, как потоп
Неудержимый, наводнили Юг,
За Гибралтар и до песков Ливийских!
Начальники выходят из рядов
Своих дружин, они к Вождю спешат,
Блистая богоравной красотой,
С людскою несравнимой. Довелось
Им на небесных тронах восседать,
А ныне в райских списках ни следа
Имен смутьянов, что презрели долг,
Из Книги Жизни вымарав себя.
Еще потомство Евы бунтарям
Иные прозвища не нарекло,
Когда их допустил на Землю Бог,
Дабы людскую слабость испытать.
Им хитростью и ложью удалось
Раствить едва ль не весь Адамов род
И склонить к забвению Творца
И воплощенью облика его
Невидимого в образы скотов,
Украшенных и чтимых в дни торжеств
Разнузданных и пышных, Духам Зла
Учили поклоняться, как богам.
Под именами идолов они
Языческих известны с тех времен.

Поведай, Муза, эти имена:
Кто первым, кто последним, пробудясь,
Восстал из топи на призывный клич?
Как, сообразно рангам, шли к Вождю,
Пока войска держались вдалеке?

Главнейшими божками были те,
Кто, ускользнув из Ада, в оны дни,
Ища себе добычи на Земле,
Свои дерзали ставить алтари
И капища близ Божьих алтарей
И храмов, побуждали племена
Молиться демонам и, обнаглев,
Оспаривали власть Иеговы,
Средь Херувимов, с высоты Сиона,
Громами правящего! Их кумиры
О, мерзость! Проникали в самый Храм,
Кощунственно желая поругать
Священные обряды, адский мрак
Противоставив свету Миродержца!
Молох шел первым страшный, весь в крови
Невинных жертв. Родители напрасно
Рыдали, гулом бубнов, ревом труб
Был заглушен предсмертный вопль детей,
Влекомых на его алтарь, в огонь.
Молоха чтит народ Аммонитян,
В долине влажной Раввы и в Аргобе,
В Васане и на дальних берегах
Арнона, проскользнув к святым местам,
Он сердце Соломона смог растлить,
И царь прельщенный капище ему
Напротив Храма Божьего воздвиг.
С тех пор позорной стала та гора;
Долина же Еннома, оскверняясь
Дубравой, посвященною Молоху,
Тофет с тех пор зовется и еще
Геенной черною, примером Ада.

Вторым шел Хамос ужас и позор
Сынов Моава. Он царил в земле
Ново и Ароера, средь степей
Спаленных Аворнма, Езевон,
Оронаим, Сигонова страна,
И Сивма виноградный дол цветущий,
И Елеал, весь неохватный край
До брега Моря Мертвого, пред ним
Склонялся. Он, под именем Фегора,
В Ситтима соблазнил израильтян,
Покинувших Египет, впасть в разврат,
Что принесло им беды без числа.
Он оргии свои до той горы
Простер срамной и рощи, где кумир
Господствовал Молоха любодойцы,
Пока благочестивый не пресек
Иосия грехи и прямо в Ад
Низверг из капищ мерзостных божков.
За ними духи шли, которым два
Прозванья были общие даны,
От берегов Евфрата до реки
Меж Сирией и Царством пирамид
Ваалами, Астартами звались
Одни себе присвоив род мужской,
Другие женский. Духи всякий пол
Принять способны или оба вместе
Так вещество их чисто и легко,
Ни оболочкой не отягчено,
Ни плотью, ни громоздким костяком.
Но, проявляясь в обликах любых,
Прозрачных, плотных, светлых или темных,
Затеи могут воплощать свои
Воздушные то в похоть погрузясь,
То в ярость впав. Израиля сыны
Не раз, Жизнеподателя презрев,

Забвению предав Его законный
Алтарь, пред изваяньями скотов
Униженно склонялись, и за то
Их были головы обречены
Склоняться столь же низко пред копьем
Врагов презренных. Следом Аштарет,
Увенчанная лунным рогом, шла,
Астарта и Владычица небес
У Финикиян. В месячных ночах,
Пред статуей богини, выпевал
Молитвословья хор Сидонских дев.
И те же гимны в честь ее Сион
Пятнали. На горе Обиды храм
Поставил ей женолюбивый царь.
Он сердцем был велик, но ради ласк
Язычниц обольстительных почтил
Кумиры мерзкие. Богине вслед
Шагал Таммуз, увечьем на Ливане
Сириянок сзывавший молодых,
Что ежегодно, летом, целый день
Его оплакивали и, следя,
Как в море алую струю влечет
Адонис, верили, что снова кровь
Из ран божка окрасила поток.
Пленялись этой притчей любострастной
Сиона дщери. Иезекииль
Их похоть созерцал, когда у врат
Святых ему в видении предстал

Отпавшего Иуды гнусный грех
Служенья идолам. Шел Дух вослед,
Взаправду плакавший, когда Кивотом
Завета полоненным был разбит
Его звероподобный истукан.
Безрукий, безголовый, он лежал
Средь капища, своих же посрамив
Поклонников, Дагоном звался он
Морское чудо, получеловек
И полурыба. Пышный храм его
Сиял в Азоте. Палестина вся,
Геф, Аскалон и Аккарон и Газа,
Пред ним дрожали. Шел за ним Риммой,
Дамаск очаровательный служил
Ему жильем, равно как берега
Аваны и Фарфара тучных рек.
Он тоже оскорблял Господень Дом:
Утратив прокаженного слугу,
Он повелителя обрел: царя
Ахаза, отупевшего от пьянства,
Принудил Божий разорить алтарь
И на сирийский лад соорудить
Святылище для сожиганья жертв
Божкам, которых он же победил.

Шли дало демоны густой толпой:
Озирис, Гор, Изида во главе
Обширной свиты, некогда они
Египет суеверный волшебством
Чудовищным и чарами прельстили,
И заблуждающиеся жрецы,
Лишив людского образа своих
Богов бродячих, в облики зверей
Их воплотили. Этой злой чумы
Израиль на Хоривене избег,
Из золота заемного отлив
Тельца, крамольный царь свершил вдвойне
Злодейство это в Дано и Вефиле,
Где уподобил тучному быку
Создателя, что в ночь одну прошел
Египет, и одним ударом всех
Младенцев первородных истребил
И всех низринул блеющих богов.

Последним появился Велиал,
Распутнейший из Духов, он себя
Пороку предал, возлюбив порок.
Не ставились кумирни в честь его
И не курились алтари, но кто
Во храмы чаще проникал, творя
Нечестие, и развращал самих
Священников, предавшихся греху
Безбожия, как сыновья Илия,
Чинившие охальство и разгул
В Господнем Доме? Он царит везде,
В судах, дворцах и пышных городах,
Где оглушающий, бесстыдный шум
Насилия, неправды и гульбы
Встает превыше башен высочайших,
Где в сумраке по улицам снуют

Гурьбою Велиаловы сыны,
Хмельные, наглые, таких видал
Содом, а позже Гива, где в ту ночь

Был вынужден гостеприимный кров
На поруганье им жену предать,
Чтоб отвратить наисквернейший блуд.

Вот главные по власти и чинам.
Пришлось бы долго называть иных
Прославленных; меж ними божества
Ионии, известные издревле,
Им поклонялся Иаванов род,
Хотя они значительно поздней
Своих родителей - Земли и Неба
Явились в мир. Был первенцем Титан
С детьми, без счета, брат его Сатурн
Лишил Титана прав, но, в свой черед,
Утратил власть, Сатурна мощный сын
От Реи Зевс похитил трон отца
И незаконно царство основал.
На Крите и на Иде этот сонм
Богов известен стал сперва; затем
Они к снегам Олимпа вознеслись
И царствовали в воздухе срединном,
Где высший был для них предел небес.
Они господствовали в скалах Дельф,
В Додоне и проникли за рубеж
Дориды, словно те, что в оны дни,
Сопутствуя Сатурну-старика,
Бежали в Гесперийские поля
И Адриатику переплывая,
Достигли дальних Кельтских островов.
Несметными стадами шли и шли
Все эти Духи, были их глаза
Потуплены тоскливо, но зажглись
Угрюмым торжеством, едва они
Увидели, что Вождь еще не впал
В отчаянье, что не совсем еще
Они погибли в гибели самой.
Казалось, тень сомненья на чело
Отступника легла, но он, призвав
Привычную гордыню, произнес
Исполненные мнимого величья
Слова надменные, чтоб воскресить
Отвагу ослабевшую и страх
Рассеять. Под громовый рык рогов
И труб воинственных он повелел
Поднять свою могучую хоругвь.
Азазиил гигантский Херувим
Отстаивает право развернуть
Ее и вот, плеща во весь размах,
Великолепный княжеский штандарт
На огненно-блистающем копье
Вознесся, просияв как метеор,
Несомый бурей, золотом шитья
И перлами слепительно на нем
Сверкали серафимские гербы
И пышные трофеи. Звук фанфар
Торжественно всю бездну огласил,
И полчища издали общий клич,
Потрясший ужасом не только Ад,
Но царство Хаоса и древней Ночи.
Вмиг десять тысяч стягов поднялись,
Восточной пестротой расцветив
Зловещий сумрак, выросла как лес
Щетина копий, шлемы и щиты
Сомкнулись неприступною стеной.

Шагает в ногу демонская рать
Фалангой строгой, под согласный свист
Свирелей звучных и дорийских флейт,
На битву прежде воодушевлявших
Героев древних, благородством чувств
Возвышенных не бешенством слепым,
Но мужеством, которого ничто
Поколебать не в силах, смерть в бою
Предпочитавших бегству от врага
И отступленью робкому. Затем
Дорийский, гармоничный создан лад,
Чтоб смуту мыслей умиротворить,
Сомненье, страх и горе из сердец
Изгнать и смертных и бессмертных. Так,
Объединенной силою дыша,
Безмолвно шествуют бунтовщики
Под звуки флейт, что облегчают путь
По раскаленной почве. Наконец
Войска остановились. Грозный фронт,
Развернутый во всю свою Длину
Безмерную, доспехами блеснит,
Подобно древним воинам сровняв
Щиты и копья, молча ждут бойцы
Велений Полководца. Архивраг
Обводит взглядом опытным ряды
Вооруженных Духов, быстрый взор
Оценивает легионов строй
И выправку бойцов, их красоту
Богоподобную и счет ведет
Когортам. Предводитель ими горд,
Ликует, яростней ожесточась,
В сознание мощи собственной своей.
Досель от сотворенья Человека
Еще нигде такого не сошлось
Большого полчища, в сравненье с ним
Казалось бы ничтожным, словно горсть
Пигмеев, с журавлями воевавших,
Любое, даже присовокупив
К Флегрийским исполинам род геройский.
Вступивший в бой, с богами наряду,
Что схватке помогали с двух сторон,
Под Фивами и Троей, присчитать
К ним рыцарей романов и легенд
О сыне Утера, богатырей
Британии, могучих удальцов
Арморики, неистовых рубак
И верных и неверных, навсегда
Прославивших сраженьями Дамаск,
Марокко, Трапезунд, и Монтальбан,
И Аспрамонт, к тех прижать, кого
От Африканских берегов Бизерта
Послала с Шарлеманем воевать,
Разбитым наголову средь полей
Фонтарабийских. Войско Сатаны,
Безмерно большее, чем все войска
Людские, повинуется Вождю
Суровому, мятежный Властелин,
Осанкой статной всех превосходя,
Как башня высится. Нет, не совсем
Он прежнее величье потерял!
Хоть блеск его небесный омрачен,
Но виден в нем Архангел. Так, едва
Взошедшее на утренней заре,
Проглядывает солнце сквозь туман

Иль, при затменье скрытое Луной,
На пол Земли зловещий полусвет
Бросает, заставляя трепетать
Монархов призраком переворотов,
И сходственно, померкнув, излучал
Архангел часть бывшего света. Скорбь
Мрачила побледневшее лицо,
Исхлестанное молниями, взор,
Сверкающий из-под густых бровей,
Отвагу безграничную таил,
Несломленную гордость, волю ждать
Отмщенья вождя вождя. Глаза
Его свирепы, но мелькнули в них
И жалость и сознание вины
При виде соучастников преступных,
Верней - последователей, навек
Погибших; тех, которых прежде он
Знавал блаженными. Из-за него
Мильоны Духов сброшены с Небес,
От света горнего отлучены
Его крамолою, но и теперь,
Хоть слава их поблекла, своему
Вождю верны. Так, сосны и дубы,
Небесным опаленные огнем,
Вздымая величавые стволы
С макушками горелыми, стоят,
Не дрогнув, на обугленной земле.
Вождь подал знак: он хочет речь держать.
Сдвоив ряды, теснятся командиры
Полуокружностью, крыло к крылу,
В безмолвии, близ Главаря. Начав
Трикрата, он трикрата, вопреки
Гордыне гневной, слезы проливал,
Не в силах молвить. Ангелы одни
Так слезы льют. Но вот он, подавив
Рыдания и вздохи, произнес:

"О сонмы вечных Духов! Сонмы Сил,
Лишь Всемогущему не равных! Брань
С Тираном не была бесславной, пусть
Исход ее погибелен, чему
Свидетельством плачевный облик наш
И место это. Но какой же ум
Высокий, до конца усвоив смысл
Былого, настоящее познав,
Дабы провидеть ясной предречь
Грядущее, вообразить бы мог,
Что силы совокупные богов
Потерпят поражение? Кто дерзнет
Поверить, что, сраженье проиграв,
Могучие когорты, чье изгнанье
Опустошило Небо, не пойдут
Опять на штурм и не восстанут вновь,
Чтоб светлый край родной отвоевать?"

Вся Ангельская рать порукой мне:
Мои ли колебания и страх
Развеяли надежды наши? Нет!
Самодержавный Деспот свой Престол
Незыблемым доселе сохранял
Лишь в силу громкой славы вековой,
Привычки косной и благодаря
Обычаю. Наружно окружась
Величием венценосца, он сокрыл

Разящую, действительную мощь,
И это побудило к мятежу
И сокрушило нас. Отныне мы
Извели могущество Его,
Но и свое познали. Не должны
Мы вызывать на новую войну
Противника, но и страшиться нам
Не следует, коль Он ее начнет.
Всего мудрее - действовать тайком,
Обманчивою хитростью достичь
Того, что в битве не далось. Пускай
Узнает Он: победа над врагом,
Одержанная силою меча,
Лишь часть победы. Новые миры
Создать пространство может. В Небесах
Давно уже носился общий слух,
Что Он намерен вскоре сотворить
Подобный мир и населить его
Породою существ, которых Он
Возлюбит с Ангелами наравне.
На первый случай вторгнемся туда
Из любопытства иль в иное место:
Не может бездна адская держать
Небесных Духов до конца времен
В цепях, ни Хаос - в непроглядной тьме.
В совете общем надо эту мысль
Обдумать зрело. Миру не бывать!
Кто склонен здесь к покорности? И так,
Скрытая иль тайная война!"

Он смолк и миллионами клинков
Пылающих, отторгнутых от бедр
И вознесенных озарился Ад
В ответ Вождю. Бунтовщики хулят
Всевышнего, свирепо сжав мечи,
Бьют о щиты, воинственно гремя,
И Небесам надменный вызов шлют.

Вблизи гора дымилась дикий пик
С вершиной огневержущей, с корой,
Сверкающей на склонах: верный признак
Работы серы, залежей руды
В глубинах недр. Летучий легион
Туда торопится. Так мчатся вскачь,
Опережая главные войска,
Саперы, с грузом кирок и лопат,
Чтоб царский стан заранее укрепить
Окопами и насыпью. Отряд
Маммон ведет; из падших Духов он
Всех менее возвышен. Алчный взор
Его и в Царстве Божьем прежде был
На низменное обращен и там
Не созерцаньем благостным святынь
Пленялся, но богатствами Небес,
Где золото пятами попиралось.
Пример он людям подал, научил
Искать сокровища в утробе гор
И клады святокрадно расхищать,
Которым лучше было бы навек
Остаться в лоне матери-земли.
На склоне мигом зазиял разруб,
И золотые ребра выдирать
Умельцы принялись. Немудрено,
Что золото в Аду возникло. Где

Благоприятней почва бы нашлась,
Дабы взрастить блестящий этот яд?
Вы, брэнного художества людей
Поклонники! Вы, не щадя похвал,
Дивитесь Вавилонским чудесам
И баснословной роскоши гробниц
Мемфиса, но судите, сколь малы
Огромнейшие памятники в честь
Искусства, Силы, Славы, дело рук
Людских, в сравнение с тем, что создают
Отверженные Духи, так легко
Сооружающие в краткий час
Строение, которое с трудом,
Лишь поколенья смертных, за века
Осуществить способны! Под горой
Поставлены плавильни, к ним ведет
Сеть желобов с потоками огня
От озера. Иные мастера
Кидают в печи сотни грузных глыб,
Породу разделяют на сорта
И шихту плавят, удаляя шлак,
А третьи роют на различный лад
Изложницы в земле, куда струей
Клокочущее золото бежит,
Заполнив полости литейных форм.
Так дуновенье воздуха, пройдя
По всем извилинам органных труб,
Рождает мелодический хорал.

Подобно пару, вскоре из земли
При тихом пенье слитных голосов
И сладостных симфониях восстало
Обширнейшее зданье, с виду храм,
Громадные пилястры вокруг него
И стройный лес дорических колонн,
Венчанных архитравом золотым,
Карнизы, фризы и огромный свод
Сплошь в золотой чеканке и резьбе.
Ни Вавилон, ни пышный Алкаир,
С величьем их и мотовством, когда
Ассирия с Египтом, соревнуясь,
Богатства расточали; ни дворцы
Властителей, ни храмы их богов
Сераписа и Бела не могли
И подступиться к роскоши такой.
Вот стройная громада, вознесясь,
Намеченной достигла вышины
И замерла. Широкие врата,
Две бронзовые створки распахнув,
Открыли взорам внутренний простор.
Созвездья лампионов, гроздь люстр,
Где горные горят смола и масло,
Посредством чар под куполом парят,
Сияя, как небесные тела.
С восторгом восхищенная толпа
Туда вторгается, одни хвалу
Провозглашают зданию, другие
Искусству зодчего, что воздвигал
Хоромы дивные на Небесах,
Архангелы державные князья
Там восседали, ибо Царь Царей
Возвысил их и каждому велел
В пределах иерархии своей
Блестящими чинами управлять.

Поклонников и славы не лишен.
Был зодчий в Древней Греции, народ
Авзонский Мультцибером звал его,
А миф гласит, что, мол, швырнул Юпитер
Во гневе за хрустальные зубцы
Ограды, окружающей Олимп,
Его на землю. Целый летний день
Он будто бы летел, с утра до полдня
И с полдня до заката, как звезда
Падучая, и среди Эгейских вод
На остров Лемнос рухнул. Но рассказ
Не верен, много раньше Мультцибер
С мятежной ратью пал. Не помогли
Ни башни, им воздвигнутые в небе,
Ни знанья, ни искусство. Зодчий сам
С умельцами своими заодно
Вниз головами сброшены Творцом
Отстраивать Геенну.

Той порой

Крылатые глашатаи, блюдя
Приказ Вождя и церемониал
Торжественный, под зычный гром фанфар
Вещают, что немедленный совет
Собраться в Пандемониуме должен,
Блистательной столице Сатаны
И Ангелов его. На громкий зов
Достойнейших бойцов отряды шлют
По рангу и заслугам, те спешат
В сопровождении несметных толп,
Теснящихся у входов, наводнивших
Все портики, сугубо главный зал
(Ристалищу подобный, где с броней
Тяжелой свыкшиеся ездоки,
Гарцуя пред султанским тронem, цвет
Языческого рыцарства на бой
Смертельный вызывали горделиво
Иль предлагали копьа преломить),
Здесь, на земле и в воздухе, кишат,
Свища крылами, Духи, так весной,
Когда вступает солнце в знак Тельца,
Из улья высыпают сотни пчел,
Вперед, назад снуют среди цветов
Росистых иль, сгрудившись у летка,
Что в их соломенную крепостицу
Ведет, на гладкой подставной доске,
Бальзамом свежим пахнувшей, рядят
О важных государственных делах,
Так, сходственно, эфирные полки
Роятся тучами. Но дан сигнал,
О, чудо! Исполины, далеко
Превосходившие любых гигантов
Земнорожденных, вмиг превращены
В ничтожных карликов, им нет числа,
Но могут разместиться в небольшом
Пространстве, как пигмеи, что живут
За гребнем гор Индийских, или те
Малютки эльфы, что в полночный час
На берегах ручьев и на лесных
Опушках пляшут, поздний пешеход
Их видит въявь, а может быть, в бреду,
Когда над ним царит Луна, к земле
Снижая бледный лет, они ж, резвясь,
Кружатся, очаровывая слух
Веселой музыкой, и сердце в нем

От страха и восторга замирает.
Так уменьшились Духи и чертог
Вмещает неисчетные рои
Просторно. Сохранив свой прежний рост,
На золотых престолах, в глубине,
Расселись тысячи полубогов
Главнейших Серафических князей,
В конклаве тайном. После тишины
Недолгой был ко всем провозглашен
Призыв: Совет великий начался!